

19 января 1988 г., там же

— В кирхе наша лаборатория занимала, главным образом, третий этаж, обе его комнаты. В одной, поменьше, сидели я, Володя Клименко и Ваня Карпов, в другой, вдвое большей и использовавшейся для проведения семинаров, - Кореньков, Суроткин и Наумова с Глущенко. Последние двое, впрочем, чаще отсутствовали - то в КТИ на машине, то в Ладушкине, где наша новая ЕС-1035 всё ещё не вошла в режим устойчивой работы и больше простаивала в ремонте, чем считала.

— Со дня на день ожидали поступления ещё одной, более мощной машины той же ЕС-овской серии - ЕС-1046, на которой можно было уже считать и большую модель (на "тридцать пятке", в принципе, то же можно было считать, только в пять раз медленнее).

— Татьяна Глущенко в свои тридцать семь наконец-то родила и из наших рядов временно, но на достаточно долгий срок выбыла. Зато появился Серёжа Щербак, выпускник с Серёжиной кафедры (кафедры теорфизики КГУ), очень серьёзный, молчаливый мальчик, отслуживший, впрочем, уже и армию после университета. Мы его определили под опеку Володе Клименко - заниматься высокими широтами: полярным ветром и связанными с ним вещами.

— Щербак - первое наше (то есть нашей лаборатории) приобретение (появился он где-то в первой половине следующего, 1987 года) из того вливания в количестве 25 ставок, которое обсерватория получила в конце описываемого 1986 года на выполнение новых архиважных спецтем.

— На те же дела выделялась и новая ЭВМ, а планировалась и ещё одна - импортная, австралийская, на японской базе, класса мини-ЭВМ, но по параметрам не хуже ЕС-1046, зато чуть ли не в сто раз меньше по габаритам и весу и в тысячу раз надёжнее, если не более, ибо вообще, говорят, не ломается. Но это было в плане, а что будет в натуре - Господь его знает.

— А вот ставки оказались реальной вещью. Разговоры о них шли уже год, и казалось, что так разговорами и останутся, но осенью поступила команда от Лобачевского - составлять новое штатное расписание.

— Для обсерватории 25 ставок (в среднем что-то рублей по 170 месячного оклада на ставку) означало возможность увеличения её штатного состава чуть ли не на треть. Мы, однако, планировали из этого фонда решить в первую очередь проблемы с зарплатами для имеющихся людей - повысить их насколько возможно (дифференцированно, разумеется, не всем подряд). В нашей лаборатории наиболее заметные прибавки получили Суроткин (как защитившийся) и Ваня Карпов (как близкий к тому же), повысилась зарплата и у Коренькова, Клименко, Наумовой, Феди Бессараба.

— Много споров (между мной, Ивановым и Саенко) было по поводу того, как поделить оставшиеся (после выделения средств на повышение зарплаты) ставки между лабораториями и группой обслуживания ЭВМ. Саенко требовал - сначала поделим сумму, а потом каждый составит штатное расписание своей лаборатории, исходя из причитающейся ей доли.

— Мы с Ивановым предлагали сделать иначе - составить сначала проекты штатных расписаний лабораторий, исходя из нужд лаборатории и имеющихся кандидатур на возможные вакантные места, а уже после этого определить - кому сколько денег дать на эти вакантные должности.

— Мы с Ивановым так и сделали, после чего и Саенко какой-то проектик набросал. Поделили примерно поровну, причём группа обслуживания ЭВМ во главе с Шандурой вошла в мою лабораторию с обязанностями обеспечивать вычислительные работы всех подразделений.

— Лаборатории Саенко при нашей делёжке досталось чуть меньше, чем моей, а

Ивановской - чуть больше, так что Саенко в душе считал себя обделённым и был, похоже, в обиде на нас с Ивановым. Но, когда Иванов повёз штатное расписание в ИЗМИРАН на утверждение Лобачевскому, тот цапнул себе от общей суммы на свои нужды более пятисот рублей месячного фонда, то есть три фактически ставки, и Иванов снял одну со своей лаборатории, а две с моей: Намгаладзе, мол, за счёт Шандуры пусть расширяется, Саенко же не пострадал и в результате оказался с большей прибавкой, чем я.

— У меня же, если не трогать Шандуринские вакансии, появились всего три новые ставки: эмэнэса для Щербака, эсэнэса для Смертина и лаборанта в помощь сверхзагруженной в последнее из-за моей монографии и Ваниной диссертации Свете Зимаревой. Покушаться же на Шандуринские ставки я не хотел, да и смысла никакого не было - себе же во вред. Он со своей командой из четырёх с половиной человек (инженеры Янин, Романенко, Печейкин, Сивицкий и оператор Зина Фролова) еле управлялся с 35-й машиной, а тут ещё 46-я появится, и, если мы рассчитываем считать у себя, а не у дяди, Шандуру надо всячески укреплять кадрами, в наших же интересах.

— Смертину место в моей лаборатории было обещано давно. Работая в последние годы старшим преподавателем в КТИ и ожидая избрания в доценты, он тем не менее связей с нами не терял, сотрудничал с Ваней Карповым, которого считал своим учеником и был даже обижен, что его "не вставили" научным руководителем Ваниной диссертации.

— Ваня между тем за это время Смертина перерос настолько, что не совсем уже было ясно, кому кем руководить следовало бы. Ваня и по способностям был посильнее, и работал как вол, включая перепахивание всей текущей и прошлой литературы. Смертин же в былые времена брал цепкостью, настойчивостью, а теперь работал наскоками с неизбежной при этом потерей формы.

— Пожалуй, он это чувствовал - что форму теряет, от Вани отстаёт, того и гляди его ещё и Федя обгонит. Ума у него хватало, чтобы оценить ситуацию: в КТИ научных перспектив у него практически никаких, не тот профиль, наука вообще там в загоне, преподавание отнимает много сил и времени, а само по себе ему удовольствие не доставляет. Это значит, что в КТИ он уже почти на потолке - доцент, максимум когда-то завкафедрой, но профессором вряд ли станет, на докторскую шансов почти нет.

— Альтернатива - переходить к нам (если возьмут!). Тогда нетрудно будет просто продолжать исследования по ВГВ или по близким направлениям в коллективе, с которым уже работал и знаешь его требования и возможности. Но - зарплата?! В КТИ Володя получал 285 р старшего преподавателя и ещё полставки в НИСе, так что под четыре сотни выходило. За тем он и ушёл в КТИ из университета. А в обсерватории у нас Иванов - заведующий столько же получает, один только я - больше. Чтобы не слишком уж потерять в зарплате, Смертину нужна должность старшего научного сотрудника, а это ведь две фактически средних ставки из тех 25-ти, которые нам выделили. И то на сотню будет меньше, чем он в КТИ получал.

— Смертин маялся. В который раз он оказался перед дилеммой - в обсерваторию переходить и наукой заниматься в надежде когда-нибудь защитить докторскую, но заметно терять в зарплате сейчас, или довольствоваться тем, что есть, синицей в руках, жирненькой такой, впрочем.

— Ко мне он не раз обращался за советом - как быть?

— Я отвечал:

— - Ставки будут - возьмём. Может быть, если получится, даже на должность старшего. Но учти, что у нас есть кандидаты наук - Клименко и Суроткин, которые вправе претендовать на большую, чем у тебя, зарплату. И что Ваня уже не слабее тебя. Так что в ущерб им я тебя взять не смогу.

— - Ну, а с научными перспективами как? В смысле докторской - можно будет рассчитывать?

— Ишь, орёл какой! О докторской размечтался, - подумал я про себя. - Кореньков и то помалкивает... Но вслух ответил спокойнее:

— Это только от тебя будет зависеть. Тематика наша позволяет не одну докторскую сделать. А больше я тебе что могу сказать? Гарантии, сам знаешь, страховой полис только даёт.

— И всё же при всех своих колебаниях и жажде гарантий Смертин был готов перейти к нам, даже с существенной потерей зарплаты. Другое дело - нужен ли он нам? Да ещё за такие деньги - на ставку, вместо которой можно принять пару начинающих выпускников вроде Щербака.

— С одной стороны - человек он и мне, и всем остальным хорошо известный со всеми своими достоинствами и недостатками. Работать он может, и на некоторый минимальный уровень отдачи от него можно рассчитывать. Но ведь он зануда - раз, склонен к самодовольству и напыщенности - два, не очень был приятен раньше Клименке и Коренькову - три, и вообще неясно - приживётся ли в коллективе.

— А тут как раз появилась альтернативная кандидатура - Игорь Филановский. Игорь, как и Ваня, выпускник Лебле, делал у него дипломную работу, Ванин сокурсник, но уже защитивший диссертацию (он как-то лихо окончил заочную аспирантуру при физфаке ЛГУ) и работавший теперь старшим преподавателем в КВИМУ.

— С наукой ему там не светило, в университете работать со степенью в НИСе невыгодно, а преподавательских мест свободных нет, и Игорь был не прочь перейти к нам даже на условиях своей полной переквалификации, но, в свою очередь, при условии, что должность ему у нас предоставят эсэнэса.

— Серёжа Лебле считал такой переход взаимовыгодным и для нас, и для Игоря. И уж был уверен, что Филановский лучше Смертина, которого Серёжа недолюбливал. Интересно, что и Ваня, когда я в лоб спросил его об этом, ни минуты не задумываясь и не колеблясь, отдал предпочтение Игорю, если уж выбирать из двоих. К кандидатуре Смертина без энтузиазма отнеслись и наши старожилы - Кореньков, Клименко, Суроткин, однако, и не протестуя, - решай, мол, сам, ты с ним работал, тебе виднее.

— Ситуация осложнялась тем, что со Смертиным я был фактически связан обещанием - будут ставки, возьмём, - это я ему говорил раньше не раз при частых его приставаниях ко мне - что, мол, нового в ИЗМИРАНе, не собираетесь ли расширяться? Взять же к себе в лабораторию обоих - и Смертина, и Филановского, на должности эсэнэсов - слишком жирно, это означало, что ими бы и ограничилась вся моя прибавочная доля к фонду зарплаты.

— Я предложил Саенке взять Филановского к себе. Тот поморщился - не специалист, мол, мне вообще экспериментаторы нужны, а не теоретики. Тогда я с тем же предложением обратился к Иванову:

— Жалко, такое добро пропадает, себе бы взял, да некуда. Серьёзно говорю - физик хороший, с рекомендациями, парень отличный, я его знаю, на рыбалках с ним не раз бывал. У тебя как раз с физиками слабовато, некому интерпретацией ваших наблюдений заниматься - сам же просил меня уступить тебе Коренькова или Смертина на интерпретацию. Вот и возьми Филановского на это дело - пусть он будет связующим звеном между вашими наблюдениями и нашим моделированием.

— Иванов согласился встретиться и поговорить с Филановским.

— Слишком молод, - таково было его впечатление, - а уже ему эсэнэса подавай. Мои ребята меня не поймут - за что? Подумаешь, теоретик! Ведь не специалист же по радиофизике или геофизике. К тому же Иглаков говорит, что ему могут допуска не дать, что-то там есть на него в органах...

— Национальность не та, что ли? Но у него же отец - моряк, капитан, в загранку ходит!

— Не знаю, Иглакову так сказали.

— И всё же я уговорил Иванова включить в новое штатное расписание его лаборатории должность эсэнэса для Филановского. Так он её и выкинул, то есть вкупе с двумя моими ставками отдал Лобачевскому, когда тот лапу наложил на нашу прибавку к штатам.

— А тут Филановскому предложили преподавательское место в филиале КТИ в Керчи и

пообещали квартиру, коей у него не было, они с женой жили на частной. Квартира перевесила всё, и Игорь согласился, тем более - Таня ждала ребёнка.

— Ну, а Смертин, в очередной раз посоветовавшись с женой и родственниками, изъявил согласие на переход к нам, только попросил отсрочки до конца учебного года, чтобы не портить отношения в КТИ. Я согласился. И провёл с ним ещё предупредительную беседу, напомнив, что он входит в сложившийся коллектив сильных работников, в котором принято помогать друг другу и не терпят высокомерия, даже если ты и отличился чем-нибудь, а за тобой, Володя, грешки замечались раньше: ты то ноешь, плачешься, то заноситься начинаешь - это нам раз плюнуть, мол, да мы, да нас...

— Володя, к его чести, не обиделся, воспринял спокойно мои наставления.

Сформулировал я ему и конкретную задачу, которой он должен будет заниматься, - высотный ядерный взрыв.

— Ваня и Федя тоже будут подключены к этой задаче, но не рассчитывай, что ты будешь командовать, а они будут пахать. Работать будете с о в м е с т н о, понял? И Кореньков будет участвовать, и я тоже. Но остальные - среди прочего, а у тебя это будет основная, главная твоя задача. И вторая задача, о которой мы уже говорили раньше, - нижняя атмосфера. Будем опускать нижнюю границу модели вниз, в стратосферу, а, может, и на поверхность Земли. Здесь тоже будешь работать с Ваней и Федей, они согласны этим заниматься, но так, чтобы это не мешало их текущим делам.

— На том и договорились.

— Но вернёмся в кирху.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)